

ЧЕТЫРЕ «НАУКИ» XXI ВЕКА

«Человек» N 1 2002 г.

Э.В. Соколов

Соколов Эльмар Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры. В журнале опубликовал статью «Жизнь штандартенфюрера СС Штирлица как воплощенная мечта советского человека» (1999 № 6)

Так что же такое наука?

Чем сильнее наука вторгается в культуру, переплетается с ней, — тем хуже мы понимаем, что же такое наука, что она должна делать, куда она нас ведет. Во всяком случае, сегодня это далеко не так ясно, как всего столетие назад. Оказалось, что, как и другие значительные феномены культуры, она не поддается строгому определению. Более того, в той мере, в какой науковедение опирается на представление о «чистой науке», «чистом разуме», — оно содержит в себе парадокс, порочный круг. Понятно, что разум может изучать некий объект, находящийся вне его. Но как разум может изучать самого себя? Как я могу, мысля, одновременно исследовать истоки и условия моей мысли?

Парадокс снимается, если принять культурологический образ науки как концентрированной активности, организованной в каждой культуре особым образом, вокруг того или иного экзистенциального или социального «центра». Тогда европейская экстравертная наука может изучать интровертную «науку» йогов и даосов, беря ее как некоторый объект; сегодняшняя неклассическая наука начинает изучать классическую; социология изучает развитие физики, а многие представления термодинамики и синергетики могут помочь оценить «научность» социологических построений.

Споры о том, что такое наука, имеют под собой еще и житейскую подоплеку. Наука не может полностью освободиться от идеологии и от обыденного сознания, «здорового смысла», равно как не может отождествить себя с ними. Слова «наука», «научность», «псевдонаука», «лженаука», «наукообразие» сегодня носят оценочный характер. Сказать про какую-нибудь теорию или книгу, что они «ненаучны» — значит обличить автора в том, что он демагог, глупец, шарлатан, зря получает деньги за свою работу. Те, кто сколько-нибудь длительное время профессионально занимаются изучением чего-либо, всегда будут доказывать, что они занимаются именно наукой.

Неотчетливость понятия науки затрудняет определение предмета науковедения, вызывает споры о «научности» тех или иных областей знания. Но эти споры нередко оказываются весьма плодотворными. Можно указать, по крайней мере, четыре крупномасштабные проблемы, которые выявляются в результате подобных дискуссий. Возникла ли наука уже в древности или она формируется только в Новое Время? Существовала ли наука на Востоке, в Индии и Китае, или она есть чисто европейский феномен? Можно ли считать «наукой» гуманитарные исследования или «наука» ограничивается естествознанием и сформированными по ее методологическим образцам «социальными науками»? И, наконец, правомерно ли создавать науку о должном, идеальном, о том, чего еще нет, или же ученый имеет право изучать только бывшее и ныне существующее?

Наука классическая и неклассическая. Та особенная сбалансированность ума, которой требует наука, возникала в истории лишь изредка. Уайтхед в своем труде «Приключения идей» пишет, что современная «нормальная» наука смогла возникнуть в Европе благодаря счастливому стечению факторов, нигде больше не сочетавшихся. В Китае — этой величайшей цивилизации мира — остроумные и образованные люди столетиями терпеливо посвящали свою жизнь учению. Нет оснований сомневаться в способности китайцев к занятиям наукой. И все же «китайскую науку можно практически не принимать в расчет». То же самое можно сказать об Индии. Римляне, при всем своем государственном и военном таланте, не внесли в науку почти ничего. И даже греки, которые «стояли у колыбели науки», не сумели поддержать ее в период роста и взросления. Их интересовали философские вопросы, интеллектуальные парадоксы, математика. Но терпеливо и упорно наблюдать, измерять, фиксировать наблюдаемое, упорно совершенствовать теорию они не любили и не умели.

Те, кто подобно Уайтхеду, считают, что в Китае и Индии не было науки, аргументируют свое мнение тем, что китайские и индийские мудрецы не отграничивали знание от веры, рациональный опыт — от эзотерических искусств, магии, колдовства. Они также не отграничивали субъекта от объекта, предмет от метода, жизненную позицию от теоретической задачи. Однако идеи Уайтхеда отражают мнение науковедов начала XX века, тех, кто признавал науку только в классическом ее варианте. Сегодня многие полагают, что классическая наука осталась в прошлом и трансформируется в «неклассическую» и даже «постнеклассическую». В самом общем смысле это означает отказ ученого от «мифа объективности»,

признание того, что даже в естествознании точка зрения ученого, его жизненная позиция и изначальные верования определяют и направление и результат исследования. Но таким образом европейские ученые и философы сближаются с индийскими гуру.

Наука и повседневное сознание. Повседневное познание в чем-то похоже на науку, но в чем-то и отлично. Говорить о рождении науки можно тогда, когда здравый смысл, обыденное сознание преодолеваются, исчерпывают себя, и разум высвобождается из-под власти привычки, утилитарно-рассудочного мышления, переходя к объективному и беспристрастному анализу и синтезу. Наука возникает из многих элементов, которые первоначально как бы «растворены» в повседневности, в обыденной жизни. Это, в частности, наблюдение, сравнение, измерение, созерцание, выдвижение гипотез, их проверка и опровержение, выработка с помощью воображения и эстетического чувства целостных картин, некоторая априорная вера в предзаданный порядок мира и естественную укорененность в нем человеческого рода. Эти элементы органически включены в психику индивида, а многие из них даже социализированы и вменяются в обязанность. Даже такой важный элемент деятельности ученого, как систематизация, классификация, не полностью отгорожен от здравого смысла: в жизни ему соответствует стремление к чистоте, порядку, удобству расположения вещей.

Но, в отличие от естественного процесса жизни, в науке всякая активность организована вокруг некоторых главных целей и ценностей. Наука вырабатывает свой способ взаимодействия умов и личностей — в высшей степени целеустремленный, с большой дозой эмоционально-интуитивных мотиваций, но, с другой стороны, нелицеприятный и в чем-то даже тоталитарный: «Платон мне друг, но истина — дороже». Тот, кто не хочет бескорыстно искать истину, исключает себя из числа ученых. При всем том научное сообщество организуется под влиянием множества разнородных факторов, а деятельность ученого обусловлена целым рядом личностных качеств и обстоятельств — таких, как вера в себя, познавательный и жизненный оптимизм, свободное время, любознательность, развитый инстинкт исследования, ощущение самоценности интеллектуальной жизни, известная доля земного аскетизма, любовь к дискуссиям, способность пренебрегать «суестью повседневности», скептицизм и многое другое, и игнорировать это обстоятельство — значит обречь себя на непонимание многих важнейших процессов и закономерностей научной деятельности. Например, в науке, вопреки распространенному (в том числе и среди самих ученых) предрассудку, исключительно важна роль личных склонностей, симпатий и антипатий. И роль эта далеко не только отрицательная: они возбуждают интеллект и снимают барьеры между мыслящими умами, позволяя добиться наибольшей искренности и выразительности мысли в слове.

Необходимое основание науки — вера в изначальный и всеобщий порядок мира, которая утвердилась благодаря религии. Без такой веры не могло бы возникнуть понятие «закона», которым оперирует наука. Но, в отличие от обыденного сознания, также опирающегося на веру в некоторые постулаты, реальная наука постоянно опрокидывает старые и ищет новые организующие идеи, новые принципы объяснения и понимания. Ученый постоянно выдвигает гипотезы и теоретизирует.

Простому человеку теория нужна лишь для достижения практических результатов. Для ученого теоретизирование есть главный вид занятий, а построение новой хорошо обоснованной теории — наилучший «практический» результат.

Нельзя не признать, что познание осуществляется, опыт приобретает и какие-то истины устанавливаются не только в науке. Но нас интересует сейчас именно наука, которая отличается от «ненауки» тем, что она определенным образом дисциплинирована, в частности, имеет общепризнанное аксиоматическое основание, словарь согласованных терминов, соблюдает логические и семиотические правила, отказывается принимать что-либо на веру.

Однако уже при поверхностном взгляде на имеющуюся сегодня совокупность наук, которую удобнее называть не «системой», как это часто делают, а «шумным сборищем», становится ясно, что «конституирующие признаки» у разных наук — разные. В каждом классе наук «сила» одних и тех же оснований и правил — не одинакова. Иногда эти правила признаются лишь на словах, а на деле не используются. Одни классы наук конституируются на основе принципов противоположных тем, которые действуют в других классах.

Четыре мира — четыре «науки»

Бессистемная систематика? Мы подошли к важнейшему пункту теории науки: классификации наук. Если всмотреться более пристально, то многие неясности, трудности «увязания» науковедов в болоте околонучных соображений связаны именно с непроясненностью критериев классификации наук. Говорить о цели науки, о ее успехах, направлениях развития, эффективных и неэффективных методах, оценивать научные достижения, можно лишь при условии, что мы знаем, о каком классе наук идет речь. Но сразу же возникает новая трудность: ни одна конкретная наука не удерживается в границах одного класса.

Поэтому каждое конкретное достижение должно оцениваться с разных точек зрения, а иногда получать одновременно положительную и отрицательную оценки. Так, психология, социология могут и должны рассматриваться как общественные и как естественные науки. Политология и этика — как интеллектуальные и праксеологические. Педагогика и экономика — как праксеологические и культурологические и т.п.

Классифицировать науки целесообразнее, на наш взгляд, исходя из того, в каком «мире» данная наука действует и работает. В отличие от «трех миров» К. Поппера мы предложили бы выделять четыре таких «мира»: мир идей, мир природы, мир культуры и мир человеческий, жизненный, практический. В каждом из миров — особые вещи, особые цели, нормы, ценности. Классификации миров соответствует основная классификация наук, включающая в себя: интеллектуалистику (искусство оперировать идеями), естествознание (природоведение), культурологию (понимание культуры) и праксеологию (теорию действия).

Важно иметь в виду, однако, что теоретическая классификация наук по признаку «пространство применения», или «мира действия», то есть по материалу, предмету, проблематике — это один вопрос, а практический их порядок и соподчиненность — это вопрос совсем другой.

Интеллектуалистика. Математика, философия, метафизика, теология — древнейшие из наук. Существует мир идей — понятий, чисел, фигур, ценностей, архетипов, которые ни из какого жизненного опыта не вытекают. Независимо от того, верим мы в Бога или нет, необходимо признать, что Бог — это богатейшая по смыслу и социально значимая идея. Наука о Боге — теология, существует с древнейших времен и заслуживает всякого понимания. Интеллектуалистика имеет в качестве предмета мир идей.

Интеллектуальные науки не ставят перед собой никакой практической цели, интересуются только сущим, но не должным. Они, по преимуществу, монологичны. В них разворачивается родовой общечеловеческий разум, которым наделен от рождения каждый индивид. Разум оперирует чистыми, интуитивно понятыми абстракциями, смыслами, границы которых нельзя произвольно ни сузить, ни расширить.

Но в зрелом размышлении приходишь к выводу, что Платон был прав: эти основные идеи даны, в сущности, готовыми, и мы можем либо «играть» понятиями, выстраивая из них оригинальные конструкции, либо, уточнив заранее, так, как нам это удобно, границы понятий (таких, скажем, как «дом», «человек», «истина», «число», «пространство», «справедливость» и т. п.), далее использовать их для обобщения и упорядочения некоторой области явлений.

Для интеллектуальных наук нет иного критерия успеха, чем ясность, строгость, изящество доказательств при максимальном смысловом богатстве и простоте рассуждения. Успех в этих науках не зависит от жизненного опыта: творческое «акме» достигается в молодости. Врожденная сила интеллекта значит здесь гораздо больше, чем упорство, наблюдательность, систематичность. Интеллектуальные науки имеют право не заботиться о том, где, кто, когда и для чего их будет применять, а также о какой-либо фактуальной верификации устанавливаемых ими законов.

Но опасной наивностью было бы предположить, что интеллектуальные науки не имеют практического, в том числе этико-политического, значения. Ведь именно прояснение идей есть путь развития разума. Через идеи осознается все то, что недоступно непосредственно органам чувств. Иерархия идей-ценностей (блага, мужества, счастья, справедливости, доверия, щедрости) определяет перспективу личности и государства. «Свертывание» интеллектуалистики в идеологию или простую «игру ума» означает деградацию разума.

Естествознание. Естествознание как класс наук принципиально отличается от интеллектуалистики. Его предмет — природа: вечная и брeнная, смертная и бессмертная, хаотическая и упорядоченная, живая и мертвая. Явления природы даны нам лишь постольку, поскольку существует родовой тип человека с особенностями его жизненной активности и восприятия. Будь человек размером с вирус или с Эверест, мир природы был бы совершенно иным, хотя мир идей мог бы оставаться прежним. Мы должны признать, что «происхождение природы» нам неизвестно. Почему природа такая, а не другая, почему она обладает определенным набором констант и вечны ли эти константы — на эти вопросы мы тоже не можем ответить. Все естествознание возникает из чувственного соприкосновения человека с природой. Основа естествознания — опыт. Все приборы, техника исследования и даже сами идеи при изучении природы имеют второстепенный смысл. Мы можем изучать природу лишь поскольку сами в нее включены, являемся ее частью. Изучать природу можно лишь в связи с человеком. Представить себе природу вне человека или человека вне природы — мы не в состоянии. Из этого противоречия и рождается собственно научная, познавательная позиция. При изучении природы формулируются основные принципы научного исследования: вера в неизменный порядок мироздания, обратимость времени, необходимость ограничивать субъект от объекта, возможность опытной проверки и опровержения. Невозможно в естествознании изучать только идеи: числа, фигуры, уравнения, законы (упорядоченные изменения во времени). Физика предполагает метафизику, но не должна с ней смешиваться. Невозможно в физике изучить то, чего нет или что представляется самим методом изучения. Уравнения в физике правомерны и нужны лишь до тех пор, пока

они упорядочивают, объясняют исследуемую объективную реальность. Оперировать в физике «чистыми» математическими функциями — значит выйти из физики в математику, то есть, интеллектуалистику. А такой выход сопряжен с тем, что меняется наше мировидение, меняются цели науки. Выход в «микромир», изучение бесконечно малых и бесконечно больших величин, несопоставимых с возможностями человеческих чувств — означает выход из естествознания в метафизику. Метафизикой заниматься можно и нужно, но следует помнить, что ценность теорий в физике, да и в любой области естествознания, определяется их описательной, объяснительной, предсказательной и манипулятивной силой, а не строгостью и изяществом. Эта сила обычно тем больше, чем уже границы объясняемой и описываемой области. Чем проще теория, тем легче ее применять, тем больше людей могут ей воспользоваться.

По одному вопросу или явлению в естествознании может быть несколько теорий. Естествознание опирается на опыт, индукцию. Законы физики, химии, биологии могут показаться универсальными и вечными. Но следует помнить об ограниченности сферы действия естественнонаучных законов, всегда выводимых из некоторой данности, из определенного «поставы бытия», ограниченного во времени и пространстве. Этот «постав» может быть разным, в зависимости от избираемых миров, эпох и «субстанций». Границы естествознания труднее указать, чем границы интеллектуалистики. Например, социология, история, психология, будучи, по преимуществу, науками о культуре, человеке, какими-то своими частями, правда, незначительными, входят и в естествознание.

Теории, логико-математические схемы имеют в естествознании инструментальное значение. Они призваны упорядочить факты, упростить и сделать понятной, легкообозримой общую картину явлений. «Сущность природы» не открывается в опыте. Позитивистская парадигма естествознания, не содержащая в себе метафизических утверждений, является поэтому эффективной и наиболее употребительной.

«Чистая интеллектуалистика» — будь то теология или математика — должна быть выброшена из естествознания. Но мало этого. И человек в природоведении присутствует только как исследователь: наблюдатель, измеритель, логик. Все то в человеке, что выражает смысл его бытия в мире, что ощущается как «жизнь», «счастье», «утрата», «печаль», «свобода», «ответственность», решение, добродетель — все это не вмещается в рамки естествознания, которое провозглашает «свободу от ценностей».

Культурология. Третий класс наук — культурология. Как обозначение специальной дисциплины, этот термин был введен в 60-е годы американским культурантропологом Лесли Уайтом. Уайт, подобно Дюркгейму, Блоку, Валлерстайну, подчеркивает единство социо-гуманитарных наук, необходимость взаимопроникновения истории и социологии, сближения исследований «примитивных» и «цивилизованных» народов, искусственно разделенных «по ведомствам» этнографии и социологии.

Однако формирование культурологии как отдельной дисциплины — вряд ли осуществимо. Во-первых, культура уже давно и обстоятельно изучается солидными, методологически ориентированными науками: археологией, историей, этнографией, антропологией, экономикой, социологией, политологией, лингвистикой и множеством предметно-ориентированных областей знания, таких как история и теория музыки, театра, общественного мнения, семьи, государства, хозяйства. Во-вторых, культура как целостность, существует сегодня, прежде всего, на национально-государственном уровне: общечеловеческая культура — это, скорее, нечто воображаемое, идеальное, предвосхищаемое. В-третьих, даже если бы общечеловеческая культура стала реальностью, (тенденции такого рода, несомненно, имеются), она была бы слишком сложна, изменчива, насыщена субъективно-произвольными элементами, чтобы быть предметом исследования одной какой-то дисциплины. Наконец, в-четвертых, систематизация знаний о культуре, количество которых быстро растет, сильно отстает от самого процесса культурных изменений. Определения предмета культурологии, содержащиеся в российских учебниках, выглядят либо банальными общими местами, либо произвольными авторскими мнениями. Культурология как научно-образовательная дисциплина была в кратчайшие сроки — всего за семь-восемь лет «создана» в России «из материала» разогнанных марксистских дисциплин, а также истории, этнографии, философии, и не имеет аналога в образовании и науке западных стран, несмотря на незрелость и некоторую искусственность. Сам факт ее возникновения важен и симптоматичен. Он свидетельствует, возможно, о начавшемся перемещении «фокуса внимания» ученых из области естествознания в область обществоведения. Однако тот образ науки, который сложился к настоящему времени под влиянием успеха естественных наук, — неприложим к наукам о культуре и, в некотором отношении, тормозит их развитие.

Культурология как класс наук имеет иные цели, методы, критерии успеха, нежели науки о природе. Поэтому и возникают вновь и вновь споры о том, является ли культурология наукой (эти споры ведутся, впрочем, по поводу многих социо-гуманитарных дисциплин, в том числе психологии, социологии, педагогики). Этим дисциплинам обычно придают большую практическую значимость как «искусствам», «техникам», но отказывают им в «научности».

На наш взгляд, существование культурологии как класса наук вполне очевидно и даже более обосновано, чем существование естествознания. Границы природы — неясны, ее детерминанты — неизвестны, как и когда она возникла — никто не может сказать. Мы не знаем, насколько универсален и устойчив тот порядок, который наблюдается в природе. В противовес этому границы культуры легко

просматриваются. Цели, методы, критерии успеха культурологических исследований могут быть сформулированы: это все, что создано или создается разумом и руками человека и что может быть объективировано, стать коллективным достоянием. Это те смыслы, формы, содержания, которые придает человек физическим, социальным и идеальным объектам. В культуре нет и не может быть столь же устойчивых порядка, системы, законосообразных механизмов функционирования и развития, какие мы наблюдаем в природе. Все культурные системы символичны, условны, конечны. Если мы условились считать землю — собственностью, государство — субъектом власти, личность — имеющей право и достоинство, — значит, так оно и есть, значит, мы должны с этим считаться. В культурологии описание, теория, субъективное видение, выражение, интерпретация — тесно сближены. Теория культуры — это не описание фактов и законов, а выявление смыслов, норм, ценностей и отклонений от них, осуществляемое с помощью демонстрации фактов, оценок, образного фантазирования и логического вывода. В науках о культуре неприменим метод беспристрастного анализа и описания. Как мы могли бы характеризовать культуру, если бы наложили запрет на использование таких понятий, как «добро», «зло», «истина», «победа», «поражение», «подвиг», «предательство», «святость», «печаль», «радость», «страх», «раскаяние»? Конечно, у сообщества культурологов (историков, социологов, психологов) есть своя «субкультура», запрещающая строить исследование на личных оценках. Но нет сомнения в том, что все сколько-нибудь значительные сочинения по социально-гуманитарным наукам вдохновлены и созрели под влиянием общественных ценностей. Да и возможно ли вообще отделить личную оценку ученого-гуманиста от общественной?

Историки, археологи, социологи желали прославить свою страну, защитить и оправдать свободу, возродить национальные святыни, разоблачить обман, показать нерациональность экономического и политического порядка, выявить корни добра и зла в обществе и т.п.

Лишь иногда до известной степени культуру можно изучать объективно, эмпирически, количественно, так же, как мы изучаем природу. Например, можно проследить динамику и степень распространенности в разных классах, нациях, возрастах, таких социо-культурных явлений, как рождаемость, браки, разводы, преступления, миграция, уровень дохода и образования, творческая продуктивность в искусстве или науке. Но такие исследования оправданы постольку, поскольку они добавляют нечто новое к очевидному, открываемому здравым смыслом и интуицией, и поскольку цифры и факты, полученные в результате, можно интерпретировать в свете каких-то ценностей. Цель исследования и критерии оценки достижений в культурологических науках могут быть конкретными и общими. Но они отличны от тех, к которым мы привыкли в естествознании.

Культурологу недостаточно описать, объяснить, дать правдоподобный прогноз и научить практика успешно справляться с заданной ему культурной работой. Помимо этих функций, культурологическое знание имеет и другие, более специфичные. Следует помнить, что социо-гуманитарные науки рождаются и развиваются в диалоге. Предмет, истина, проблема уясняются в споре, дискуссии или дискурсе определенного рода. Этот дискурс может вырастать из лекции учителя, проповеди священника, отцовского увещания, исповедально-интимных признаний любящих людей, логически-связанных и содержательно ориентированных речей адвоката и прокурора обвинения в суде, выступлений в парламенте.

«Мыслепорождение» в культурной повседневности и в культурологии — есть практика определенного рода. Тот, кто пишет книгу по истории, социологии или психологии, помогает читателю глубже понять себя, возбуждает в нем радость жизни, надежду, создает основу для интеллектуального обмена и душевного единения, разоблачает зло.

Цель естественнонаучного исследования — в том, чтобы дать ответ на проблему. Естественнонаучная теория, как уже отмечалось, должна быть «экономной», объясняя максимальное число фактов минимальным числом сущностей, то есть самым простым, но, конечно, убедительным образом. Культурологическая же теория, помимо объяснительно-предсказательной функции, имеет ценность и сама по себе. В этом отношении она подобна стихотворению или роману. Она ценна возвышенным настроением, которое создает, расширением интеллектуального горизонта, не только ответами, которые дает, но и вопросами, которые порождает.

Культурологический дискурс — отчетливо диалогичен. Дело в том, что сообщество ученых-культурологов (гуманитариев) гораздо более размыто и внутренне сложнее структурировано, чем сообщество, скажем, физиков или ботаников. Поэтому споры, дискуссии различного рода выражают «дух» культурологии в большей степени, чем консенсус, согласие по основным принципам, которое с удивительной быстротой устанавливается в естественных науках даже во времена «научных революций». Консенсус отличает «дух» сообщества естествоиспытателей от духа сообщества культурологов. Можно выразиться еще сильнее: культурология как наука, как систематизированное знание, как рационализированная и согласованная деятельность большого числа людей тяготеет к слиянию со стихийным «разговором эпохи», с непрерывно идущими в обществе — с помощью речи — процессами размежевания, консолидации и идеологического оформления социальных групп.

Следы диалога явно видны и даже усиливаются в социо-гуманитарных науках, развивающихся в ключе постмодерна. Наша эпоха выдвинула на культурную авансцену множество малых групп, меньшинств,

личностей, которые обрели голос, и часть из них не соглашаются с точкой зрения ученых-профессионалов. Политико-этическая и конфессиональная дискуссии становятся непреходящим моментом сегодняшней культурной ситуации. Сам консенсус в обществе достигается уравниванием мнений спорящих сторон. При этом объектами спора становятся самые фундаментальные основы экономики, политики, образования, просвещения.

Далее, культурологическое знание — персоналистично. Переоткрытие знаний каждым человеком, вновь вступающим в науку, — черта не только гуманитарной сферы, но и естествознания. Однако в социогуманитарных науках личный опыт значит больше. Социогуманитарное знание изменяет свой вес и значение в зависимости от личной и исторической ситуации.

Признание персоналистичности культурологии все же не означает полного релятивизма знаний о культуре, сведения их к мнениям и убеждениям. Чем сильнее тенденция к релятивизации, тем больше мы должны помнить о том, что сфера науки конституируется лишь на основе признания объективной истины, разграничения, пусть и не абсолютного, объекта и субъекта, общедоступности проверки и опровержения любого тезиса и т.п. Мы лишь должны, учитывая объективно происходящие процессы в культуре, стремиться, по возможности, научно осмыслить новые явления, помнить о границах науки. Наука сегодня быстро развивается — и количественно, и качественно. Но и другие формы сознания, в том числе религия, искусство, философия, право, идеология, расширяют свою сферу деятельности и во многих случаях успешно заменяют науку. Это не «конец науки» (такое мнение высказывалось), но достижение более адекватного и соответствующего эпохе понимания вещей. Следует помнить, во-первых, о постоянном расширении научного сообщества за счет круга образованных людей. Во-вторых, о размывании границы между верой и знанием, наукой и религией в цивилизованном обществе. В-третьих, о слиянии теории с практикой во многих областях социально-культурной работы и медицины. Например, психокоррекция в медицине все больше осмысливается как межличностное взаимодействие врача и больного. В межкультурном диалоге происходит не только ознакомление культур друг с другом, но и снятие межкультурных напряжений, взаимооплодотворение и взаимодополнение точек зрения, сформировавшихся у людей разных культур.

В связи с описанием трех классов наук возникает вопрос о взаимоотношениях между ними. В западноевропейских языках принято обозначать науки о природе и науки о культуре двумя разными словами: science (наука) и humanities (гуманистика). В конце XIX века германские философы-неокантианцы четко разграничили эти области знаний.

Естествознание, по их мнению, включает в себя науки «номотетические» — устанавливающие законы, а гуманистика — науки «идиографические», описывающие конкретные факты, культурные символы и явления. «Номотетика» призвана объяснять. Идиография должна описать, помочь пониманию и осмыслению событий.

В интеллектуалистике объект и субъект познания — тождественны. В естествознании объект — природа — отграничивается от субъекта — мыслящего и чувствующего человека, хотя, на практике это разграничение, в особенности там, где используются сложные интеллектуальные методы и схемы, не всегда легко провести. В гуманитарных, культурологических науках субъект и объект разграничены частично, в разных случаях по-разному. Интуиция, интеллект, равно как и наблюдение, количественные методы, правомерно и с успехом используются в культурологических науках, будь то филология, языковедение, история, науковедение, социология, политология, эстетика, философия. Но их явно мало. Нужны еще «вчувствование», эмпатия, личный опыт. Кроме того, науки о культуре, по преимуществу, диалогичны, а не монологичны. Они возникли и изначально использовались в особенно значимых коммуникативных ситуациях, например, в педагогическом процессе, при управлении людьми, в церкви и монастыре, парламенте, творческом общении философов, поэтов, художников. И все же науки о культуре не сводятся ни к исповедальному дискурсу, ни к диалогу. В них есть устойчивое, объективно-значимое ядро, которое, однако никогда не раскрывается до конца, а лишь обогащается путем интерпретации, герменевтического и психоаналитического выведения на поверхность сознания скрытых смыслов и ценностей.

В XVII веке наука отделилась от религии, перестала быть служанкой богословия. Всплеск свободной мысли, исследований «расколдованной» природы был настолько мощным, что пафос естественнонаучного познания стал казаться универсальным, а методы естествознания — приемлемыми и в гуманитарных науках.

Но сегодня всем уже должно быть ясно, сколь велико различие между естествознанием и культурологией. Естествознание опирается на опыт непредубежденного, незаинтересованного исследования, на эксперимент, который, в принципе, не имеет моральных и политических ограничений. Культурологические науки не могут себе этого позволить и не достигнут успеха, если будут опираться только на интеллектуалистские схемы и практический опыт взаимодействия человека с природой.

Поэтому, в частности, синергетические и термодинамические подходы имеют в культурологии малую объяснительную силу. Они «растворяют» культурологию в интеллектуалистике и естествознании, вместо того, чтобы приближать ее к человеческой жизни. Невозможно создать строгую науку о «культуре вообще». А

если все-таки попробовать это сделать, то эта наука будет настолько сложна и многомерна, что ее невозможно будет использовать ни в образовании, ни в управлении, ни в социальной работе.

Четвертый класс наук удобнее всего назвать праксеологией или прагматикой. Речь идет о векторе науки, который призван прояснить смысл и цели человеческой деятельности, найти оптимальные способы достижения целей, согласовать их друг с другом.

Праксеология. Праксеология объединяет науки, которые служат практике и называются прикладными. Прикладные физика, математика, химия, психология, социология используют добытые или добываемые наукой знания в общественной практике любого рода, где только возможно.

Но «ядро» праксеологии как класса наук состоит не в этом. Главная задача праксеологии — осмысление человеческой деятельности как целостного феномена, объяснение его космического и духовного явления. Речь идет о прояснении целей, задач, методов деятельности и их согласованности друг с другом. В этом смысле мы можем вспомнить Платона с его идеальным государством; Маркса, который говорил, что «философы до сих пор только объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы его изменить». Сюда же мы отнесем Конта с его «позитивной наукой» и «позитивной религией», всех социалистов-утопистов прошлого и современных футурологов, развивающих концепцию «альтернативной цивилизации».

Праксеология как класс наук включает в себя этику, экономику, педагогику, политологию, юриспруденцию, другие науки, суть которых состоит в реализации общепринятых или значимых ценностей с помощью научных, рациональных методов. Должное обосновывается в праксеологии исходя из знания о сущем, возможном, идеальном и императивно — необходимым.

Должное, как известно, не выводится из сущего непосредственно, без опоры на некоторые ценности, свободную волю человека и знание о практически возможном «здесь и сейчас». Но даже если мы вооружимся всеми этими знаниями и вдобавок, энтузиазмом и решимостью реализовать самые важные для нас ценности, то все же может возникнуть вопрос: как возможно, да и зачем нужно объединять в один класс наук теории совершенно разных «практик»; таких как ведение сельского хозяйства, добыча нефти, воспитание детей, руководство людьми, управление финансами? Ответ состоит в том, что все виды человеческой практики связаны и обуславливают друг друга. Создать оптимальное общество, осуществить стратегические цели исторического развития, реализовать призвание человека, можно, лишь увязав, соединив друг с другом экономику, мораль, религию, образование, технику, массовую культуру и прочее. Стремиться к достижению социально-значимых целей, не согласовывая их друг с другом, не имея ввиду какой-то общей для человечества цели — значит растрачивать зря деньги, энергию, ресурсы. Рационализация всего массива человеческой деятельности — главная цель праксеологии. Вряд ли она может быть оспорена. Теории идеального общества, идеального государства существуют уже более двух тысяч лет.

Крушение попытки построить идеальный коммунистический строй в одной, отдельно взятой стране, равно как и множество других неудачных попыток создать оптимально организованные и идеально управляемые локальные общности — на единой экономико-политической, религиозной и нравственной основе — не означает ложности и бесперспективности самого стремления к идеальному общественному устройству для всего человечества.

Некоторые итоги. Каждый из четырех классов наук актуализирует определенный сектор человеческих способностей, имеет особенную перспективу развития и свои критерии успеха. Интеллектуалистика достигла высокого уровня уже в древности потому, что была слабо и лишь косвенно связана с классовыми и групповыми интересами. «Чистое» интеллектуальное исследование, в принципе, открыто для всех.

Естествознание стало развиваться после того, как природа была «расколдована и освобождена» для мыслящего восприятия, а религиозные чувства сконцентрировались в личности или «перетекли» в интеллектуализированное богословие.

Культурология как самоопределяющийся класс наук — детище XX века. Ресурсы для роста культурологии — огромны. Но столь же велики трудности упорядочения, систематизации культурологических знаний. Эти трудности могут быть технического, психологического и социального характера. Но они все же не способны помешать быстрому развитию культурологии как самостоятельной отрасли знаний.

Что же касается праксеологии в изложенном понимании, то мы находимся, безусловно, лишь в самом начале пути. Праксеология еще не вышла из идеологических «пеленок» и все еще используется больше для военно-дипломатических споров, чем для формирования научных проектов социального развития.